

Турецкая разведка сейчас: расширение тайных операций (II)

Политика

Александр Григорьев

19 октября, 10:37

MIT после попытки государственного переворота

Упомянутые [в предыдущей части](#) материала раздоры достигли апогея в июле 2016 года, когда группа офицеров, поддерживающих Ф. Гюлена, предположительно пошла на безуспешную попытку государственного переворота против Эрдогана. Роль Фидана в этих событиях по-прежнему окутана тайной; заступив на пост главы МИТ в 2010 году (в 42 года – самый молодой в истории глава этого ведомства), он так и не обнаружил никаких признаков готовящегося переворота и, таким образом, предотвратить его.

Поверить в это едва ли возможно, но, как бы то ни было, штаб-квартира разведки рассматривалась заговорщиками как важный центр, который надлежало взять под контроль, чего сделать не удалось (хотя начальника Генерального штаба Хулуси Акара захватить удалось).

Эти нападения на штаб-квартиру МiТ привели к перестройке разведывательного агентства. Во-первых, там была проведена масштабная чистка от предполагаемых и реальных сторонников путчистов, в результате которой тысячи сотрудников и агентов отправились за решётку.

Во-вторых, за пределами Анкары была построена новая штаб-квартира МiТ под названием «Кале» или «Крепость» на 5000 акрах земли с трёхметровыми стенами и другими усиленными мерами безопасности.

В-третьих, МiТ получила возможность проводить тайные военные операции (практически все станции радиоэлектронной разведки были переданы из армии в МiТ), что позволило развивать военизированное подразделение с собственными возможностями действовать независимо на театрах военных действий.

Это позволяет МiТ действовать автономно от армейских подразделений и стать более универсальным инструментом турецкой внешней политики, подобно ЦРУ. Последствия нового милитаризованного МiТ нигде не ощущались так сильно, как в Сирии, где МiТ участвовала в тайных операциях против «режима Асада».

Эрдоган установил абсолютный контроль над армией с 2011 года, и никто не выступал против его собственных планов создания буферной зоны на севере Сирии. Всего через месяц после путча Турция инициировала операцию «Щит Евфрата» в попытке изгнать запрещённое в России «Исламское государство» из Джараблуса, однако в реальности турки стремились отрезать курдов Африна от курдов в Манбидже. Фидан был того же мнения, что и Эрдоган, ещё в марте 2014 года предложив операцию «под чужим флагом», чтобы оправдать вооруженное вторжение на север Сирию.

В тот же период, когда разворачивалась операция «Щит Евфрата», Фидан приложил немало усилий, чтобы способствовать восстанию на контролируемой курдами территории севера страны; однако протурецкие арабские и курдские группировки боевиков (например, «Бригада Ахфада Салах ад-Дина») потерпели неудачу и довольно скоро исчезли со сцены. Несмотря на возражения Вашингтона, в Анкаре полагали сторонников жёсткой линии гораздо меньшим злом, недели курдские «отряды народной самообороны».

В конце 2017 г. МИТ сыграла важную роль в создании Сирийской национальной армии (СНА) – зонтичной организации для групп боевиков, выступающих против «ИГ» и против YPG (например, «Дивизии Хамза» и «Дивизии аль-Мутасим»). В рамках СНА МИТ предоставила особые привилегии сирийским туркоманам, и со временем их вооружённые формирования стали «ядром» наёмников, использовавшихся МИТ на ТВД за пределами Сирии.

После операции «Щит Евфрата» (2016-2017) Турция трижды снова вмешивалась в северную Сирию: дважды против курдов (2018 и 2019) и один раз против режима Асада (2020), под предлогом укрепления буферной зоны вдоль южной границы. Турция использовала этих повстанцев в своих собственных войнах против YPG и против Дамаска; а МИТ контролировала следование предводителями боевиков изменчивой «генеральной линии» Аксара на Ближнем Востоке (в последние годы Анкара пытается найти общий язык с Дамаском).

Вызовы и проблемы для МИТ

Налаженные связи в Идлибе и в северной Сирии сослужили бы хорошую службу Турции при ее вмешательстве на других театрах военных действий. МИТ завербовала и переправила тысячи «повстанцев» из Сирии в Западную

Ливию в конце 2019 года в качестве наемников, чтобы снять осаду Триполи командующим Ливийской национальной армией Халифой Хафттаром. Единственными потерями, о которых когда-либо сообщала Турция в операции «Буря мира» в Ливии, были агент и переводчик МИТ.

Аналогичная история повторилась во Второй карабахской войне осенью 2020 года: МИТ организовала вербовку и транспортировку разномастного сбюда из Сирии и из Ливии в Азербайджан, где они использовались человеческими волнами для захвата армянских военных аванпостов. Другими словами, МИТ действовал как «наконечник копья» в политической доктрине, которую Эрдоган реализовывал начиная с операции «Оливковая ветвь» в 2018 году при решающей роли разведки.

Следствием продолжающегося использования тайных операций возникли три проблемы. Основная из них заключалась в политическом одобрении тайной деятельности Национальной разведывательной организации (МИТ) под руководством президента Эрдогана. Операции в Сирии и Ливии стали предметом ожесточённых споров в парламенте по поводу надлежащего контроля над разведывательной службой.

Кроме того, прокси-силы часто обвинялись в серьёзных нарушениях прав человека в отношении гражданского населения на севере Сирии, особенно в Африне. Несспособность или нежелание МИТ контролировать эти недисциплинированные ополчения подорвало репутацию организации.

Наконец, сотрудничество Анкары с радикальными группировками на севере Сирии вызвало обеспокоенность как в Вашингтоне, так и в Москве.

В дополнение к этому МИТ организовала по всему миру «охоту на ведьм» против сторонников Ф. Гюлена после неудавшегося государственного переворота 2016 года. Некоторые лица были выданы без надлежащей правовой процедуры из нескольких стран (из Казахстана, Молдовы и т.д.) и, согласно собственным показаниям жертв, к пыткам и одиночному заключению в «чёрных местах».

Тайные программы под патронажем МИТ обострили отношения Турции с Западом, актуализируя растущее значение роли секретных разведывательных операций в формировании внешней политики, что означает кардинальный сдвиг в сторону более напористой и независимой внешнеполитической стратегии.

Тайные операции Турции на севере Сирии служат еще одним тому примером. В течение 2023 года МИТ нацеливалась на военное и на гражданское руководство курдов с помощью своих собственных агентов и беспилотных летательных аппаратов. В апреле 2023 года в результате удара беспилотника, управляемого МИТ, был почти нейтрализован Мазлум Кобани, главнокомандующий курдскими Силами демократической Сирии (СДС) на севере Сирии. Попытка убийства известного союзника США была не единственным для них оскорблением: в то время Кобани находился на военной базе США на севере Сирии, и, таким образом, безопасность морских пехотинцев США была поставлена под угрозу.

Это нападение вызвало стало поводом для претензий Вашингтона к Анкаре – как публичный, так и частных, но едва ли они ограничили действия МИТ, агенты которой продолжают настраивать мятежные арабские племена в Дейр эз-Зоре против курдов, следствие чего стало вооружённое восстание августа-сентября 2023 г. – в конечном итоге безуспешное, но явно не последнее...

Будущее турецкой разведки

Эрдоган победил на президентских выборах в мае 2023 года, переиграв непрочный альянс шести оппозиционных партий, после чего доверенный «хранитель секретов» стал министром иностранных дел. Новым главой МИТ стал Ибрагим Калын, до того – советник Эрдогана по национальной безопасности, известный также своей страстью к игре на музыкальных инструментах.

Эти изменения означали, что в вопросах разведки и дипломатии будут доминировать «ястrebы», что стало очевидным в ходе продолжающихся операций на севере Ирака и в Сирии. В 2023 году MİT нейтрализовал в общей сложности 201 боевика РПК и YPG в ходе 181 тайной операции с использованием БПЛА и уничтожил 45 объектов критически важной инфраструктуры (например, нефтяные скважины на севере Сирии). Эти операции проводились несмотря на протесты Вашингтона, а в октябре 2023 года американцы даже сбили турецкий БПЛА, чтобы защитить своих военных на севере Сирии. Однако этот инцидент мало повлиял на MİT, которая продолжила кампанию целенаправленных покушений и «беспилотных» атак и в текущем, 2024 году.

Последствия для внешней политики Турции

Назначение Ибрагима Калына главой MİT может свидетельствовать о постепенном изменении стратегического направления турецкой разведки. Учитывая его прежнюю должность советника по безопасности, ожидается, что Калин будет тесно сотрудничать с Эрдоганом в достижении внешнеполитических целей. Такое сотрудничество может привести к более согласованной совместной стратегии Ак-Саая и разведслужб, что потенциально повысит эффективность внешней политики Турции, особенно с учётом того, что Фидан теперь возглавляет турецкую дипломатию. Согласно другой точке зрения, при Фидане быстро превращается в

серьёзного конкурента МiТ [с вооружённой составляющей](#). Переведя в МИД значительное число своих бывших сотрудников, он активизировал работу по сбору различной информации через карьерных дипломатов в разных странах. Помимо этого, именно Фидан курирует все посреднические операции по нормализации отношений с арабскими странами, и прежде всего, с Ливией и Сирией, и за упомянутыми выше попытками нормализовать отношения с Дамаском стоит именно он.

Активное участие Калына в дипломатической и консультативной деятельности позволяет предположить, что он может уделять больше внимания интеграции разведывательных данных в процесс принятия внешнеполитических решений. Следствием этого станет более эффективное использование разведывательных данных при формировании международных отношений Турции, особенно в отношениях с соседними регионами и мировыми державами.

Следует отметить, что и Фидан, и Калын разделяют с Эрдоганом его видение места Турции в этой постоянно меняющейся международной среде, а именно, что Турция не должна огульно придерживаться своей традиционной «евроатлантической» ориентации, но более внимательно присмотреться к растущим державам Евразии, бросающим вызов ускользающей гегемонии Запада.

Будущее тайных операций МiТ

Под руководством Калына МiТ, вероятно, продолжит тайные операции, ставшие важным аспектом напористой внешней политики Турции при Эрдогане. Однако подход нового начальника разведки к подобным операциям может отличаться от подхода его предшественника, потенциально более фокусируясь на сборе стратегической информации и отчасти на «громких» операциях, в зависимости от меняющегося геополитического ландшафта. Во время пребывания на посту Калын также может уделять больше внимания технологическим достижениям в сфере разведки, особенно в области кибер-операций и наблюдения, что также будет соответствовать глобальной тенденции к увеличению зависимости от технологических средств для сбора и анализа разведывательных данных.

Заключение

Одна из основных задач, с которой столкнется Калын, – умение ориентироваться в сложной региональной динамике, особенно на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье, [отмечают в своём исследовании](#) сотрудники Rabdan Academy. Способность к взаимодействию с ключевыми игроками на пользу интересам Турции станет важнейшим аспектом его пребывания на этом посту. Кроме того, ему необходимо будет учитывать меняющийся характер угроз безопасности, включая кибер-угрозы, также проявления терроризма и экстремизма. Сочетание традиционных методов разведки с инновационными подходами будет ключом к эффективному противодействию этим вызовам.

Решения и стратегическая линия И. Калына не только определят будущую эволюцию возглавляемой им разведывательной структуры, но и сыграют значительную роль во внешней политике Турции и её тайных зарубежных операциях, роль которых едва ли снизится, учитывая усложняющуюся региональную и международную динамику.

[Версия для печати](#)

Источник

<https://vpoanalytics.com/sobytiya-i-komentarii/turetskaya-razvedka-v->

...

Александр Григорьев 19 октября, 10:37